

3. Chunko-Dominguez B. English Gothic Misericord Carvings: History from the Bottom Up. Brill, 2017. P. 204.
4. Hardwick P. English medieval misericords: the margins of meaning. Boydell Press, 2011. Т. 2. P. 202.
5. Benton J. R. The medieval menagerie: animals in the art of the Middle Ages. New York: Abbeville Press, 1992. P. 491.
6. Classen A. The epistemological function of monsters in the middle ages //The Voyage of Saint Brendan to Herzog Ernst, Marie de France, Marco Polo and John Mandeville. What Would We Be Without Monsters in Past and Present. 2012. P. 13-34.
7. Махов А. Е. Hostis antiquus: категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря. Intrada, 2013. С. 416.
8. Connochie-Bourgne C. La chevelure dans la littérature et l'art du Moyen Âge. Publications de l'Université de Provence, 2004. Т. 28. P. 396.
9. Pearson T. The Mermaid in the Church // Profane Imagery in Marginal Arts of the Middle Ages. 2009. P. 105-121.

Олег Игоревич Бызов,
магистрант I курса обучения
Института социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ИМПОРТ У ЖИТЕЛЕЙ НОВГОРОДА В X–XIII ВВ.

Аннотация. Торговые отношения Новгорода и Европы в домонгольский период являются важными не только для понимания развития экономики Северо-Западной Руси, но и позволяют проследить влияние данных контактов на урбанистические процессы. Торговля способствовала формированию городского пространства одного из древнейших городов Руси. В Новгороде возникают Готский и Немецкий двор, а на их территории возводятся церкви святого Олафа и Петра. Импортная продукция оказывала влияние на быт некоторых групп горожан. Автор ставит перед собой задачу, применяя сравнительный, структурный, исторический и системный методы, установить масштабы и характер экономических связей Новгорода с Западом посредством анализа предметов быта из европейского импорта.

Ключевые слова: Новгород, торговля, Западная Европа, X–XIII века, импорт, Любек, Готланд.

Торговля Новгорода с Западной Европой как один из факторов развития городского пространства и быта жителей столицы Северо-Западной Руси — важная тема в изучении истории средневекового Новгорода. Первые письменные упоминания тесных контактов Руси с иноземными купцами датируются XI–XII веками. Самым ранним свидетельством о связях с островом Готланд стало известие Новгородской первой летописи. Она сообщает, что в 1130 году произошёл инцидент: "В то же лето идуще и-заморья, с Гот, и потопаи людии 7 и сами истопоша и товар, а друзии вылезоша нь нази" [Рыбина, 1978, с. 54]. Та же летопись упоминает, что в 1152 году в Новгороде произошел пожар в Варяжской церкви. Это была церковь святого Олафа на территории Готского Двора [Бережков, 1879, с. 59]. Хроника Адама Бременского (XI век) приводит слова датчан: "При попутном ветре они за один месяц преодолевали путь до Новгорода" [Андреев, 1989, с. 62], однако из этого известия невозможно сказать о целях плавания.

Торговля Новгорода и Ганзы обретает значимые масштабы в XII веке [Рыбина, 1978, с. 55], о чём говорит наличие Готского Двора в Новгороде. Тесные связи с Любеком налаживаются раньше, еще в середине XI века. Уже в XI-XII века новгородцы совершали туда регулярные поездки [Рыбина, 1978, с. 55]. Согласно выданной в 1188 году льготной грамоте Фридриха I иностранным купцам, "русским, готам, норманнам и другим народам Востока" было предоставлено право беспошлинной торговли [Рыбина, 1978, с. 55]. На Готланде также строится Новгородский двор [Арсеньев, 1891, с. 230-235]. Наибольшего размаха поездки новгородцев по Балтийскому морю достигают именно в XII веке [Мавродин, 1970, с. 15]. В IX-XIII веках торговый путь начинался от устья Невы вдоль эстонского берега, пересекал Финский залив в районе Таллинской Бухты и шёл вдоль юго-западного побережья Финляндии, через Андские шкеры к Швеции и далее [Рыбина, 1978, с. 55]. Со временем был заключен торговый договор Любека с новгородцами, а в самом Новгороде появляется Немецкий двор [Рыбина, 1978, с. 58].

Заслуживают внимания и данные археологии. Импортный янтарь появляется в Новгороде во второй четверти XI века, а отдельные его экземпляры можно проследить, начиная с середины X века [Рыбина, 1978, с. 38]. Только на Неревском раскопе было обнаружено 734 предмета из янтаря. Из них на середину X века приходится лишь 10 экземпляров, а на середину XII века — уже 40. Основным поставщиком до середины XIII века была территория Приднепровья. Например, на северном городище Старой Рязани была открыта мастерская, работавшая на местном красноватом янтаре [Монгайт, 1955, с. 131]. Подобные мастерские XI-XIII веков найдены в Киеве [Каргер, 1951, с. 33], а также в Белой Веже [Артамонов, 1958, с. 69]. Особенно стоит отметить Лубяницкий раскоп в Новгороде. Здешняя деревянная мостовая даёт возможность чётко датировать находки янтаря, которого было найдено 1000 экземпляров. 800 из них датируются концом XII—серединой XIII века. Особенно важно учитывать, что в начале XIII века начинается захват Прибалтики Тевтонским и другими орденами, а в 1228 году происходит экспансия на прусские земли [Рыбина, 1978, с. 61]. В добавок ко всему происходят вооруженные столкновения Новгорода с немцами на Чудской земле в 1212, 1214, 1219, 1223, 1224, 1228, 1234, 1240, 1241 годах [Рыбина, 1978, с. 61], и Тевтонский орден устанавливает монополию на продажу янтаря в древнерусские земли [Рыбина, 1978, с. 62]. Таким образом, янтарь из Лубяницкого раскопа мог быть только приднепровского происхождения. В свою очередь, европейский импорт достигает своих максимальных показателей в XIV-XV веках [Рыбина, 1978, с. 62].

Большого внимания заслуживают нумизматические данные. В могильнике X века в деревне Деревяницы были обнаружены динарий императора Генриха II (1014-1024), денарий герцога Генриха II (985-995, Регенсбург), денарий Этельреда II (1009-1017), денарий Кнута (1017-1023, Англия), германский и неизвестный динарий, а также 7 арабских дирхемов конца IX-X века [Равдина, 1988, с. 51]. В свою очередь, на территории Дрегельского курганно-жальничного могильника были найдены динарий императора Генриха II (Дортмунд, 1014-1024), денарий архиепископа Вильгельма (Утрехт, 1054-1076) [Равдина, 1988, с. 51]. Помимо этого, на других памятниках были обнаружены 2 дирхема IX и X веков [Равдина, 1988, с. 124], 4 дирхема X века

[Равдина, 1988] и две серебряные монеты [Равдина, 1988, с. 31], динарий императора Конрада II (Страсбург, 1027-1039), денарий императора Генриха II (1046-1056), а также арабские дирхемы X века [Равдина, 1988, с. 103].

Если говорить о кладах с монетами, то это Первый и Второй Неревские клады X века, где было найдено 871 [Янин, 1956, с. 181] и 866 монет [Янин, 1963, с. 288] соответственно. Также в Новгородском Троицком раскопе был обнаружен клад с серебряными монетами XI века [Янин, Гайдуков, 2009, с. 262]. Из 59 монет 21 экземпляр относят к английской чеканке, 29 — к германской, 2 — к византийской, а оставшиеся 7 — к скандинавским копиям английских монет [Рыбина, 2008, с. 264].

Что касается стеклянной посуды, то первоначально она была южного ввоза и попадала на территорию Новгорода с середины X века. Первая посуда из западноевропейского сырья появляется лишь после Батыева нашествия [Щапова, 1963, с. 133]. На Неревском раскопе было найдено 12 сосудов (972 по 1080 год), большая часть из которых имели византийское происхождение [Щапова, 1963, с. 131]. Также находят и киевскую посуду, которая достигает своего пика развития в XIII веке [Рыбина, 1978, с. 29]. С второй половины X века в Новгороде получают распространение стеклянные перстни. Спектрографический анализ 100 образцов показал, что в X-XII веках большая их часть была привезена из Византии [Щапова, 1963, с. 112]. Если же говорить об импорте меди, то на территории Новгорода она прослеживается уже с X века и достигает своих максимальных показателей в XIII веке. Если говорить о месте происхождения цветных металлов, то это Швеция (медь), Британия (олово), Испания (свинец) [Никитский, 2011, с. 158], а также Саксония, Чехия и Силезия. Таким образом, имеющиеся письменные и археологические источники указывают, что торговля Новгорода с Западной Европой, хотя и могла зародиться в X веке, но обрела свою значимость в лишь XII веке. В настоящее время мы можем предполагать, что на X-XI веках у Новгорода были значительные связи с Византией и Киевом, а Готланд и Любек появляются чуть позже, но более точную картину нам ещё предстоит выяснить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли X-XIV вв / Е. А. Рыбина. Москва: Изд-во Московского ун-та, 1978. 167 с.
2. Бережков И. Д. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века / И. Д. Бережков. СПб.: Типография В. Безобразов и комп, 1879. 281 с.
3. Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода / В. Ф. Андреев. Ленинград: Лениздат, 1989. 175 с.
4. Арсеньев С. В. Древности Острова Готланд // Записки императорского русского археологического общества. СПб., 1891. Т. 5. С. 230-235.
5. Мавродин В. В. Начало мореходства на Руси. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. 148 с.
6. Монгайт А. Л. Старая Рязань (Материалы и исследования по археологии СССР. № 49). Москва: Изд-во АН СССР, 1955. 232 с.
7. Каргер М. К. Археологические исследования древнего Киева. Отчёты и материалы (1938-1947 г.). Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 252 с.
8. Артамонов М. И. Саркел-Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. № 62. Труды Волго-донской археологической экспедиции. С. 7-85.

9. Равдина Т. В. Погребения X-XI вв. С монетами на территории Древней Руси. М.: Наука, 1988. 151 с.

10. Янин В. Л. Неревский клад куфических монет. X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956. № 55. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 1. С. 180-208.

11. Янин В. Л. Второй Неревский клад куфических монет. X в. // Материалы исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1963. № 117. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3. С. 287-331.

12. Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X — первой половины XI вв. // Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 262-273.

13. Щапова Ю. Л. Стекланные изделия древнего Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1963. № 117. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3. С. 104-163.

14. Рыбина Е. А. Международные связи Новгорода // Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 359-375.

15. Никитский А. И. История Экономического быта великого Новгорода. Москва: Либриком, 2011. 304 с.

Иллона Александровна Ваземиллер,
студент 2 курса обучения
Института социально-гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

СВЯЩЕННОЕ БЕЗУМИЕ И ДЕМОНИЧЕСКАЯ ОДЕРЖИМОСТЬ В «ЗОЛОТОЙ ЛЕГЕНДЕ» ИАКОВА ВОРАГИНСКОГО

Аннотация. Необходимость анализа представлений средневекового общества о гендерной обусловленности нарративов об одержимости как проявление власти мужчин очевидна. В докладе оценивается гипотеза о большей подверженности женщин демоническому влиянию по сравнению с мужчинами, учащения контактов с божественными силами. Объектом исследования выступает сочинение Иакова Вороагинского «Золотая легенда», в котором представлены жития святых, имевших контакт с Богом или демонами, а значит, подверженных их влиянию. Представления о нормах и девиациях на примере образов безумия являются предметом исследования. В средние века в Европе было два основных объяснения психологических девиаций: физиологическое, а также влияние божественных или демонических сил на людей. Именно второе объяснение нуждается в детальном рассмотрении, поскольку религиозный подъём XIII-XV веков сопровождался усилением интереса к проблеме личной святости, а безумие или одержимость могли объясняться по-разному: наказанием Бога за «нечестивые поступки», «религиозное осквернение», обман дьявола и др. В качестве методов исследования были выбраны сравнительный, историко-антропологический и семиотический методы.

Ключевые слова: безумие, одержимость, Иаков Вороагинский, Европа, «Золотая легенда», демоны, Бог, святые, гендер, семиотика.

Тема священного и демонического безумия в «Золотой легенде» Иакова Вороагинского малоизучена. Гипотеза о том, что женщины в силу своих физиологических особенностей были более подвержены безумию и различным родам одержимости, нежели мужчины, была доказана Нэнси Касиолой в ра-